

ence & Innovation in the Muslim World. [ONLINE] Available at: <http://www.onislam.net/english/health-and-science/science/458438-growth-of-science-a-innovation-in-the-muslim-world.html>. [Last Accessed 03 February 2013].

14. Global Trends 2030: Alternative Worlds. – National Intelligence Council, 2012. – 140 pp.

15. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People's Opium? Religion and Economic Attitudes. – Journal of Monetary Economics, 2003, Vol. 50, № 1, pp. 225-282.

16. Hoodbhoy P. Islam and Science Have Parted Ways // Middle East Quarterly, 2010, Vol. XVII, № 1, pp. 69-74.

17. International Monetary Fund. World Economic Outlook database, October 2012. – IMF, 2012.

18. Islamic Development Bank. Annual Report 1432H (2011). – IDB, 2011. – 109 pp.

19. Jalili A.R. A Descriptive Overview of Islamic Taxation // Journal of American Academy of Business, 2006, Vol. 8, № 2, pp. 16-28.

20. Khan A. Islam and Economic Growth // Khilafah, 2009, № 7, pp. 17-19.

21. Mahathir M. (2003). Speech by Prime Minister Mahathir Mohamad of Malaysia to the Tenth Islamic Summit Conference Putrajaya, Malaysia, October 16, 2003. [ONLINE] Available at: <http://www.aseansec.org/15359.htm>. [Last Accessed 12 September 2012].

22. Merkel says German multicultural society has failed. [Online] Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11559451>. [Last Accessed 17 October 2012].

23. Noland M. Religion and Economic Performance // World Development, 2005, Vol. 33, № 8, pp. 1215-1232.

24. Noland M., Pack H. Islam, Economic Growth and the Middle East // Global Dialogue, 2004, Vol. 6, №1-2.

25. Paying Taxes 2011. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2010. – 100 p.

26. Report to the President on ensuring American leadership in advanced manufacturing. – Washington, D.C.: Executive Office of the President. President's Council of Advisors on Science and Technology, 2011.

27. Segal A. Why Does the Muslim World Lag in Science? // Middle East Quarterly, 1996, Vol. III, № 2, pp. 61-70.

28. The archipelago economy: Unleashing Indonesia's potential. – McKinsey Global Institute, 2012. – 101 pp.

29. The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010-2030. – Washington, D.C.: Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life, 2011, pp. 121-124.

30. World Bank. 2012 World Development Indicators. – The World Bank, 2012. – 430 pp.

31. World Tax Rates (2009). Saudi Arabia Tax Rates. [ONLINE] Available at: <http://www.taxrates.cc/html/saudi-arabia-tax-rates.html>. [Last Accessed 01 September 12].

Статья поступила в редакцию 17.01.2013

С.Ф. БЫКОНЯ, к.э.н., доцент,
Украинско-российский институт МГОУ

ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН

Актуальной проблемой для современного экономического знания является проблема «измерения» институтов, точнее, оценки их эффективности. Эта задача становится очень важной с позиций осуществления управляемых институциональных изменений, преобразований экономики в процессе институционального строительства.

Приведена методология сравнительной количественной оценки качества функционирования институтов с целью изучения их относительного уровня развития в разных странах.

Изложили ряд предлагаемых сегодня мо-

делей, которые содержат экзогенные параметры и, на наш взгляд, они отражают в высокой степени уровень институционального развития страны.

Ключевые слова: институциональные характеристики, качество институтов, уровень институционального развития

В продолжение исследований институционального строительства, создания в каждой стране среды, имманентной ее институциональному полю сегодня актуальнейшей

© С.Ф. Быконя, 2013

.....
<http://www.donntu.edu.ua/> «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Npdntu_ekon/

проблемой для современного экономического знания является проблема «измерения» институтов, точнее, оценки их эффективности. Экономические системы и институты в течение некоторого времени меняют или теряют свои качественные характеристики. В чем причина таких изменений и главное — как можно зафиксировать снижение качества (эффективности) системы, института? Эта задача становится очень важной с позиций осуществления управляемых институциональных изменений, преобразований экономики, когда в хозяйственный процесс вводится некоторое число новых правил, регулирующих поведение агентов, организующих их выбор в отношении ресурсов, продуктов, технологий. В конечном счете, именно правила поведения, технологические рутины создают возможности в области конкурентоспособности, хозяйственного развития в целом [1].

В последние два десятилетия в мире наблюдался существенный прогресс в методологии сравнительной количественной оценки качества функционирования институтов с целью изучения их относительного уровня развития в разных странах.

В соответствии с терминологией, представленной в работе Д. Родрика [2] — теория экономического роста относит факторы роста либо к группе непосредственных (proximate), либо к группе фундаментальных или глубинных (fundamental or deep) факторов. К непосредственным факторам чаще всего относят неоклассические детерминанты роста: труд, капитал, в том числе землю, а также производительность, причём производительность, обуславливаемую не только технической эффективностью производства, но и распределением ресурсов в экономике. К группе фундаментальных факторов Д. Родрик относит: 1) качество национальных институтов, 2) уровень внешнеэкономической интеграции, измеряемый посредством размера национального рынка и степенью вовлечения страны в международную торговлю, 3) географические характеристики страны (такие как наличие полезных ископаемых, климат, удалённость от экватора, доступ к морским торговым путям).

Схема Д. Родрика не охватывает все потенциальные факторы роста, но может быть использована, так как в основном соответствует современному пониманию процессов экономического роста.

При этом из вышеперечисленных фундаментальных факторов роста лишь география

является несомненным экзогенным фактором, тогда как институты и внешнеэкономическая интеграция складываются в значительной мере под влиянием национальной экономической политики.

Отнесение к фундаментальным факторам роста институтов, внешнеэкономической интеграции и географии хорошо резюмирует современное понимание ключевых детерминантов роста. Такая классификация факторов отражает подход к анализу экономической динамики, который в том или ином виде использовался в ряде принципиально важных исследований по данной проблематике.

Полемика вокруг весомости вклада каждого фундаментального фактора продолжается. В частности А. Шляйфер и др. [3] представили своё собственное исследование, в котором приводились доводы в пользу того, что в основе различий в экономическом росте лежат не институты, а качество человеческого капитала. А. Шляйфер и др. отмечали, в частности, что кроме институтов поселенцы импортировали в колонии и человеческий капитал, при этом причинно-следственная связь направлена от человеческого капитала к правовым институтам и уже от них — к росту.

Джеффри Сакс с соавторами [4], напротив, использовали в своих исследованиях роста лишь географическую группу факторов и обосновывали тезис, что география оказала ключевое влияние на институты и рост.

Д. Геллап, Д. Сакс и Э. Меллинджер, усовершенствовав теоретический подход таких исследователей, как Ф. Бродель [5] и Д. Даймонд [6], на основе результатов собственного эмпирического анализа сделали вывод, что географические условия являются фундаментальным фактором экономического роста, определяющим как последующее развитие человеческого капитала, так и качество институтов. Главенствующую роль географического фактора авторы обосновывали с помощью строгой экзогенности географии, т. е. независимости географических характеристик страны от проводимой ею политики. В своей работе авторы оперировали такими основными географическими характеристиками, как принадлежность к северному или южному полушарию, удалённость от морских торговых путей, тип климата.

Согласно их результатам, наиболее благоприятным для долгосрочного роста является сочетание расположения страны в северном полушарии, умеренного климата и доступа к

морским путям. Благоприятная география оказывает как прямое влияние на рост посредством снижения транспортных издержек, улучшения здоровья населения, урожайности сельскохозяйственных культур и плодovitости скота, наличия природных ресурсов и пониженных издержек их добычи, так и косвенное - посредством, например, возраста освоения территории и плотности населения, которые способствуют росту за счёт агломерационного эффекта.

Современный подход к оценке институционального климата в отдельных странах основан на работах Истерли и Левина [7], а также Родрика, Сабраманиан и Требби [8], практически одновременно завершивших исследования, в которых представили модели, включающие в себя все три фундаментальных фактора роста.

У. Истерли и Р. Левин не нашли в своей работе статистически значимого влияния на рост со стороны ключевых переменных экономической политики (макроэкономической политики, интенсивности участия во внешней торговле и наличия ограничений на движение капитала). При этом институциональные переменные оказывали значимое и положительное влияние на рост.

Ключевую роль в исследовании У. Истерли и Р. Левина играет *индекс институционального развития, построенный как сумма шести институциональных характеристик*, предложенных в работах Кауфманна, Крея и Зойдо-Лобатона [10;11].

Целью настоящего исследования мы не ставили определение наилучшего подхода к выявлению факторов, влияющих на экономический рост. Мы изложили ряд предлагаемых сегодня моделей, которые содержат экзогенные параметры и, на наш взгляд, они отражают в высокой степени уровень институционального развития страны.

Приведем характеристики, отражающие межстрановые различия в качестве институтов по следующим направлениям:

1. Voice&Accountability

Права граждан и подотчётность государственных органов.

Подотчётность – мера гражданских свобод, политических прав и независимости прессы;

2. Political Stability No Violence (political stability and absence of violence)

Стабильность политической системы и отсутствие насилия.

Политическая стабильность и насилие –

индикатор вероятности того, что национальное правительство может быть заменено неконституционным путем;

3. Government Effectiveness

Эффективность органов государственного управления.

Эффективность правительства – мера качества предоставляемых общественных услуг, компетентности правительственных служащих и степени политизации гражданской службы;

4. Regulatory Quality

Качество регулирующих институтов.

Регуляционное бремя – мера ответственного вмешательства в функционирование товарных рынков и банковской системы, степени административного контроля в сфере открытия нового бизнеса, контроля за операциями частного сектора и внешнеторговой деятельностью;

5. Rule of Law

Качество правовых институтов.

Правопорядок – мера защищённости физических лиц и собственности от насилия и краж, независимости и эффективности судей, степени выполнения договоров;

6. Control of Corruption

Антикоррупционный контроль.

Коррупция – мера использования государственной власти в частных интересах.

Д. Родрик с коллегами провели концептуально схожее исследование, анализируя влияние институтов, географии и экономической интеграции. Так же как Истерли и Левин, Родрик и др. показали незначительность географических факторов и внешнеторговой интеграции после включения в модель институциональных переменных. Авторы пришли к выводу, что по сравнению с другими фундаментальными факторами именно институциональные переменные наилучшим образом объясняют межстрановые различия в уровнях экономического развития. Подчеркнём, что авторы не отрицают влияния географии на экономический рост, но приводят аргументы в пользу того, что такое влияние география оказывает не напрямую, а опосредованно через институты. В качестве меры качества национальных институтов Родрик и др. использовали в основном индекс правопорядка из того же набора Кауфманна, Крея и Зойдо-Лобатона, описанного выше.

На сегодняшний день существует целый ряд регулярно обновляемых международных индексов и рейтингов, отражающих те или иные национальные институциональные ас-

пекты, включая уровень инвестиционных и предпринимательских рисков, степень экономических и политических свобод, уровень коррупции и т.д. Эти оценки публикуются как крупными международными организациями (ОЭСР, Всемирный Банк, ЮНКТАД), так и независимыми исследовательскими центрами и общественными организациями (например, Институт Фрейзера, Трансперенси Интернэшнл, Херитедж Фаундейшн, Фридом Хаус и др.), а также частными консалтинговыми компаниями и рейтинговыми агентствами (например, А. Т. Kearney, Standard&Poors, Global Insight, Goldman Sachs).

В настоящее время можно выделить четыре основных способа измерения институциональных характеристик:

- на основе макроэкономических показателей; данный способ применяется в основном для оценки уровня развитости финансового сектора (например, на основе размера банковских кредитов, выданных частному сектору, в процентах к ВВП; капитализация рынка ценных бумаг, в процентах к ВВП, и т.п.);

- на основе опросов предприятий и населения как пользователей государственных услуг;

- на основе опросов экспертов;

- на основе прямых измерений конкретных качественных характеристик, таких как, например, качество образования (с использованием стандартных тестов) или конкурентность выборов (статистика голосования).

Приведенные выше характеристики, отражающие межстрановые различия в качестве институтов, известны как *индикаторы качества государственного управления (World Bank Worldwide Governance Indicators)*.

1. Voice&Accountability
2. Political Stability No Violence (political stability and absence of violence)
3. Government Effectiveness
4. Regulatory Quality
5. Ruleof Law
6. Control of Corruption

Семейство индексов Worldwide Governance Indicators (WGI) основано на исследованиях Института Всемирного банка и Исследовательского отдела Всемирного банка (World Bank Institute, The Research Department of the World Bank)[12;13;14]. Индексы составляются с 1996 г. и до 2002 г. публиковались раз в два года, но, начиная с 2002 г., в связи с востребованностью подобных исследований, они пуб-

ликуются ежегодно. Эти индикаторы измеряют качество государственного управления и базируются на 33-х источниках исходных данных, составленных 30 различными организациями.

Worldwide Governance Indicators охватывают 6 основных аспектов государственного управления в 212 странах мира, отражаемых шестью агрегированными индикаторами. Используемые в анализе данные представляют собой статистическое обобщение опроса фирм, частных лиц, различных агентств, занимающихся оценкой коммерческих рисков, негосударственных организаций и исследовательских научных центров, а также других организаций общественного сектора (примерный перечень вопросов, и соответствующих агрегированных индикаторов приведен в табл.1.

На основе результатов каждого из проведенных обследований составляются индивидуальные индикаторы, которые затем агрегируются в шесть индексов.

Все индексы WGI принимают значение в интервале от (-2.5) до (+2.5) причем большие значения индекса отражают более высокое качество функционирования институтов.

Динамика оценок институционального развития для различных стран мира за 1996-2006 годы на основе модели межстрановых институциональных различий представлена в [15]. Выводы, сделанные авторами, свидетельствуют о том, что хотя в отдельные годы рассматриваемого периода глобальными лидерами институционального развития становились разные страны (табл. 2), однако, набор стран, входящих в группу лидеров, демонстрирует постоянство. Это связано с существенной инерционностью институционального развития и стабильностью стран с высоким качеством ключевых институтов. Ни один из лидеров годовых рейтингов ни разу значительно не удалялся от первых позиций. Финляндия чаще других стран являлась институциональным лидером годовых рейтингов, поэтому именно эта страна выбрана в качестве абсолютного институционального лидера десятилетия.

Используя эти данные, и на основе материалов, представленных *World Bank Worldwide Governance Indicators*, нами произведена качественная оценка позиции Украины по уровню институционального развития.(Рис.1., Рис.2., Рис.3., Рис.4., Рис.5., Рис.6.)

Таблица 1

Вопросы и индикаторы, использованные при опросе

Вопросы для составления индивидуальных индикаторов	Соответствующие агрегированные индикаторы
Уважаются ли гражданские и политические свободы?	<i>Права граждан и подотчетность государственных органов</i>
Как риск насилия по политическим мотивам влияет на правительство?	<i>Стабильность политической системы и отсутствие насилия/терроризма</i>
Насколько сильны общественные институты и каково качество гражданской государственной службы?	<i>Эффективность органов государственного управления</i>
Насколько распространена практика недобросовестной конкуренции?	<i>Качество регулирующих институтов</i>
Являются ли юридические процедуры справедливыми?	<i>Качество правовых институтов</i>
В какой степени политики вовлечены в коррупционную деятельность и nepoтизм?	<i>Антикоррупционный контроль</i>
Справедливы ли выборы?	<i>Права граждан и подотчетность государственных органов</i>
Налагает ли угроза терроризма дополнительные издержки на бизнес?	<i>Стабильность политической системы и отсутствие насилия/терроризма</i>
Свободна ли система государственных услуг от политического вмешательства?	<i>Эффективность органов государственного управления</i>
Легко ли начать бизнес в стране?	<i>Качество регулирующих институтов</i>
Независимо ли судопроизводство от политического вмешательства?	<i>Качество правовых институтов</i>
Какой процент от продаж в среднем составляют "неофициальные выплаты"?	<i>Антикоррупционный контроль</i>

Таблица 2

Страны-лидеры WB WGI, 1996-2006 гг.

Год	Лидер WGI (4)	Лидер WGI (6)
1996	Швейцария	Швейцария
1998	Нидерланды	Нидерланды
2000	Финляндия	Финляндия
2002	Финляндия	Финляндия
2003	Финляндия	Финляндия
2004	Дания	Финляндия
2005	Исландия	Исландия
2006	Дания	Финляндия

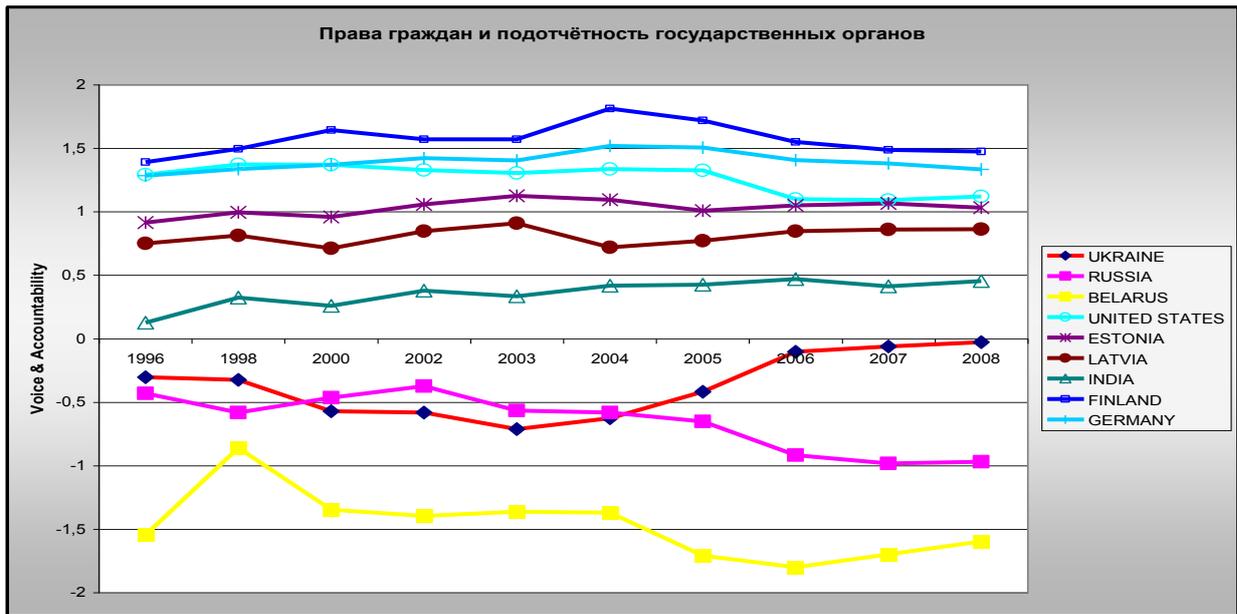


Рис. 1. Подотчетность – мера гражданских свобод, политических прав и независимости прессы.

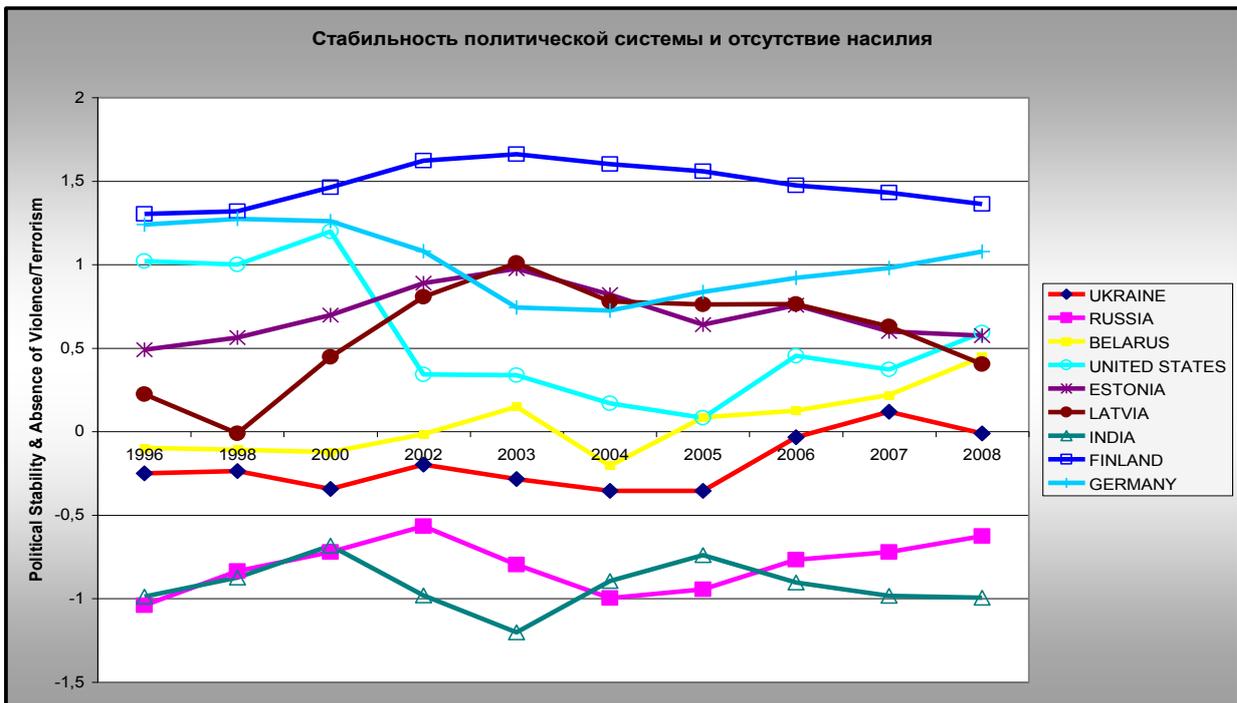


Рис. 2. Политическая стабильность и насилие – индикатор вероятности того, что правительство может быть заменено неконституционным путем.

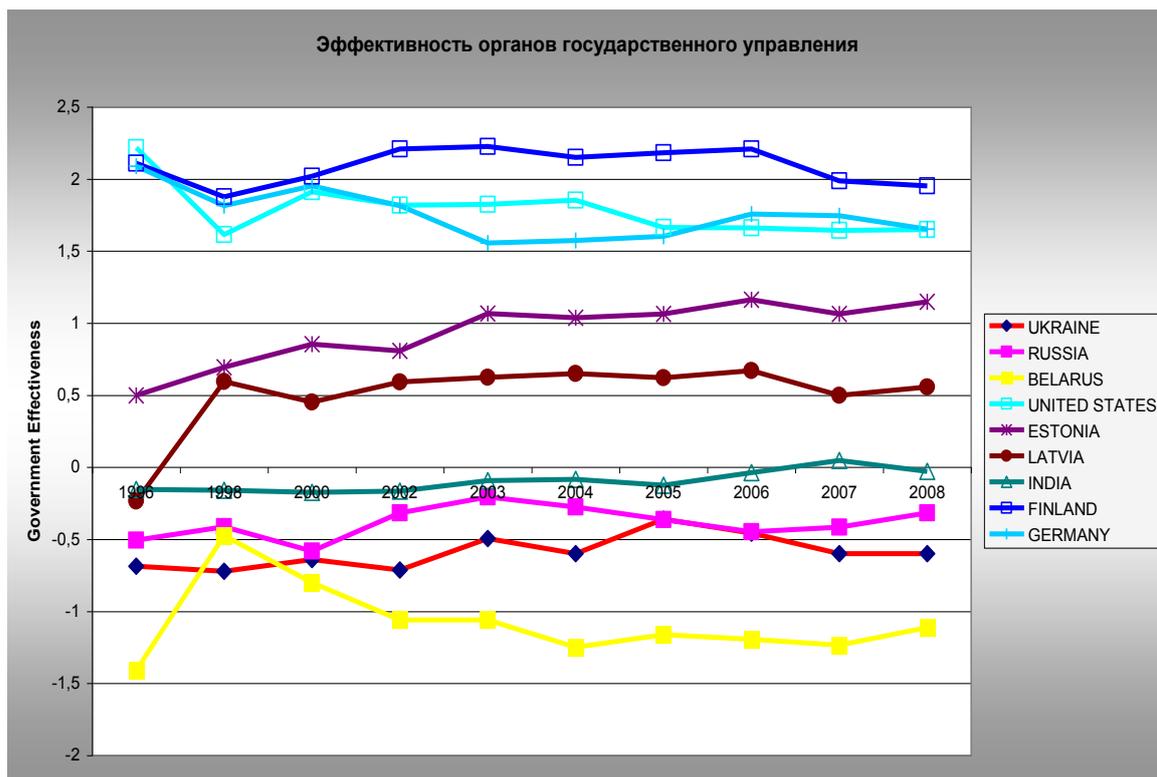


Рис.3. Эффективность правительства – мера качества предоставляемых общественных услуг, компетентности правительственных служащих и степени политизации гражданской службы.

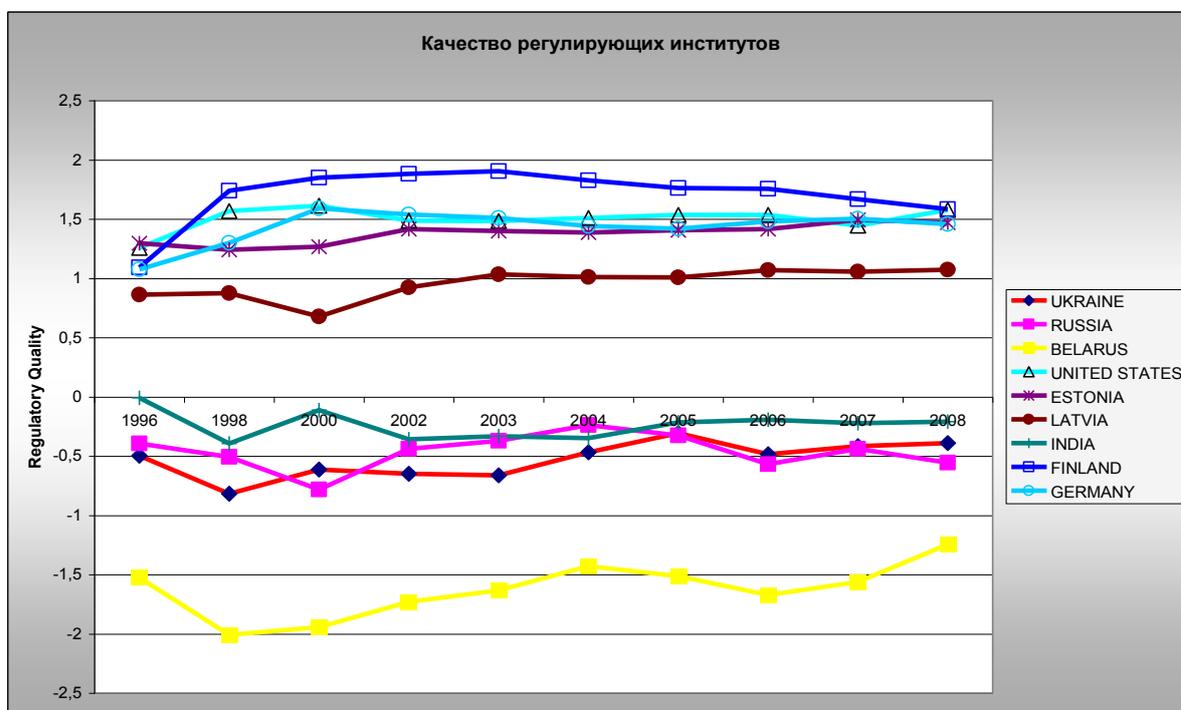


Рис. 4. Регуляционное бремя – мера правительственного вмешательства в функционирование товарных рынков и банковской системы, степени административного контроля в сфере открытия нового бизнеса, контроля над операциями частного сектора и внешнеторговой деятельностью

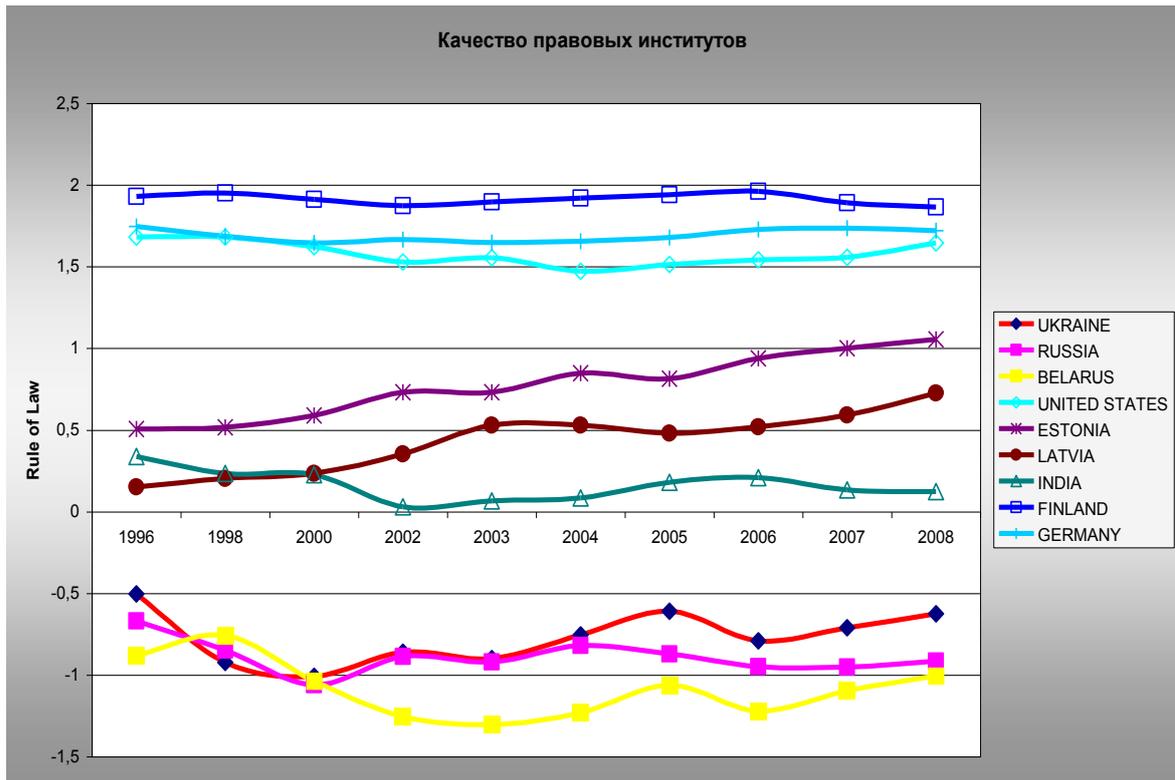


Рис. 5. Правопорядок – мера защищенности физических лиц и собственности от насилия и краж, независимости и эффективности судей, степени выполнения договоров.

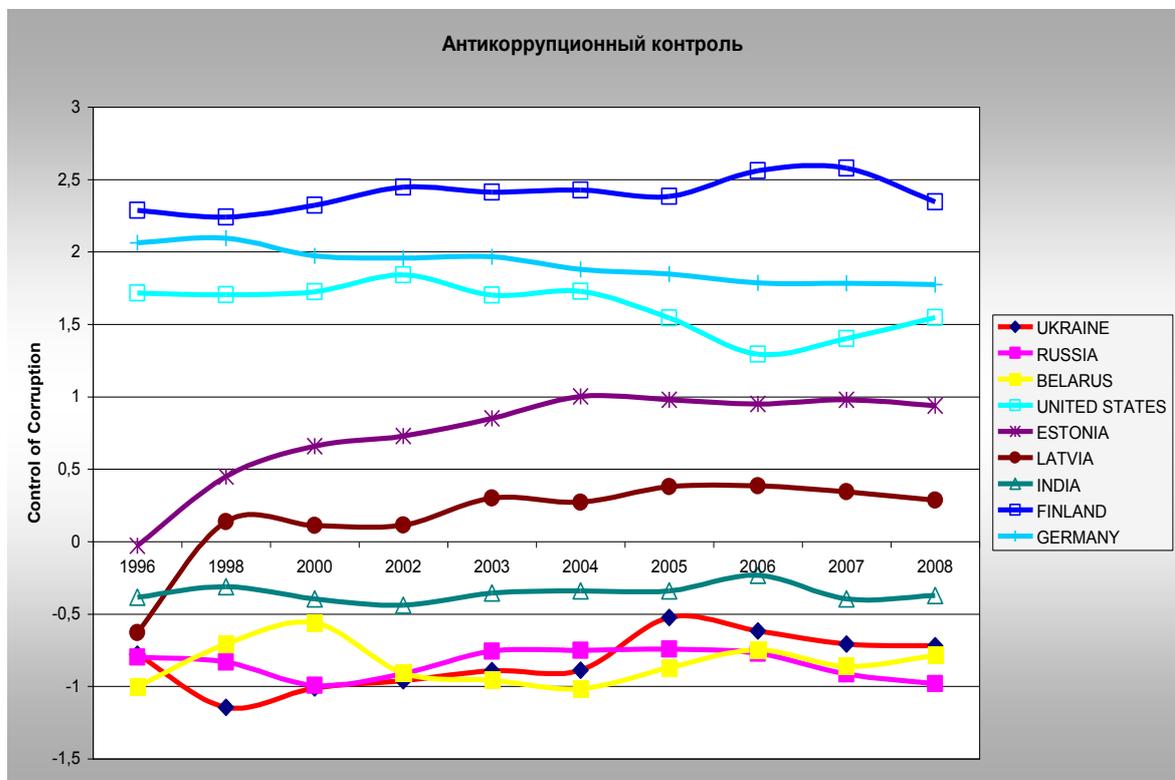


Рис. 6. Коррупция – мера использования государственной власти в частных интересах

Необходимо отметить, что состояние дел в области институционального строительства Белоруссии, России, Украины, Эстонии, Латвии (и не только) в большой степени определяется имплементацией Вашингтонского консенсуса. Важнейшими принципами политики Вашингтонского консенсуса являлись, как известно, *либерализация, приватизация и финансовая стабилизация на основе жесткой монетарной и фискальной политики* [16]. В последние два десятилетия развивающиеся страны подвергались сильному давлению со стороны МВФ, ВТО и других международных организаций, требовавших ускорить создание институтов западного образца и следовать западным стандартам экономической политики [17].

В институциональном плане эта программа выступает как политика ускоренного внедрения в развивающихся и постсоциалистических странах набора унифицированных правил игры, ориентированных на интересы субъектов глобальной экономики. На этот аспект проблемы обращает внимание М. Кастельс. Он отмечает, что давление со стороны правительств развитых стран, МВФ, Всемирного банка и ВТО использовалось в целях унификации всех национальных экономик вокруг одинаковых правил игры, подразумевающих свободное движение капиталов, товаров и услуг в соответствии с рыночной оценкой. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязывались жесткие условия «структурной адаптации», без учета специфики положения каждой из них [18, с.75; 19, с.209-214].

Существуют ещё целый ряд работ посвящённых изучению факторов, влияющих на экономический рост (на развитие экономики) [3,4,20,21,22 и др], *в рамках настоящего исследования мы не ставили своей целью определить наилучший подход, отметим только, что все спецификации предлагаемых моделей содержат экзогенные параметры, в той или иной степени отражающие уровень институционального развития.*

По мере накопления опыта изучения переходных экономик, при анализе все большее внимание стало уделяться институциональной стороне рыночной трансформации. Доклад Всемирного банка (*World Bank, 2002*), посвященный итогам первой декады реформ, сформулировал основные выводы по вопросам экономического роста в этот период:

- Различия в исходных условиях были основным фактором, объясняющим масштабы

сокращения производства в начальный период (1990-1994) переходного процесса, в то время как интенсивность проводимых странами реформ хорошо объясняет различия в темпах роста в более позднее время;

- Ключевая роль в возобновлении экономического роста и увеличении занятости принадлежит новым предприятиям, в том числе малым и средним. Успешная политика поощрения роста базируется на поддержании баланса двух важных компонент: а) поощрения входа на рынок новых предприятий, и б) укрепления дисциплины (ужесточение бюджетных ограничений) среди существующих компаний;

- Тем самым в центре экономической политики оказываются две группы институциональных реформ. Это, во-первых, меры по улучшению инвестиционного климата (защита прав собственности, упрощение механизмов и процедур регулирования, создание для новых предприятий равных условий для конкуренции с традиционным сектором, и др.), обеспечивающие привлекательность входа на рынок для новых предпринимателей. Во-вторых, это законодательные и регуляторные изменения, направленные на создание эффективной системы корпоративного управления на предприятиях, прежде всего в традиционном секторе. Такая система должна включать в себя современные системы учета, аудита и раскрытия информации, защиту прав миноритарных акционеров, законодательство о банкротстве, инфорсмент и т.п.;

- Качество институтов и законодательства по защите прав инвесторов и контролю за менеджерами оказывается важнейшим фактором развития национальных финансовых систем, расширения доступа частных предприятий к кредитованию и инвестициям, и, соответственно, к ускорению экономического роста.

В настоящее время имеется не очень большое, но быстро увеличивающееся число эмпирических исследований по влиянию институтов на экономический рост в странах с переходной экономикой. Практически во всех из них исследователям удается обнаружить положительную и статистически значимую взаимосвязь между качеством национальных институтов и темпами экономического роста.

Одной из первых работ в этом направлении можно считать работу

А. Brunetti и др.[25], в которой авторы изучали главным образом факторы, определя-

ющие объёмы прямых иностранных инвестиций в 20-ти странах с переходной экономикой, но одновременно рассмотрели и влияние институтов на экономический рост. В качестве объясняющих институциональных переменных использовался ряд индексов, построенных на основе экспертных опросов:

- *Predictability of rules* - индекс, отражающий уровень предсказуемости принимаемых правил;

- *Political stability* - мера неопределённости относительно возможности смены курса исполнительной властью;

- *Property rights* - индекс, отражающий степень защиты прав собственности;

- *Judiciary reliability* - индекс надёжности и предсказуемости судебной системы;

- *Lack of corruption* - мера ограниченности (контроля) коррупции.

Оценка влияния на экономический рост производилась двумя способами: либо строилась отдельная регрессия на каждый из перечисленных индексов, с контролем на начальные экономические условия, открытость экономики, инфляцию (прокси для макроэкономической стабилизации) и уровень государственного потребления. Либо регрессии строились для каждого индекса без включения вышеперечисленных контрольных переменных, но с использованием метода инструментальных переменных, в котором данные переменные выступали в качестве инструментов. В обеих спецификациях все институциональные индексы оказывали положительное статистически значимое влияние на экономический рост.

Navylyshyn, van Rooden [26], изучали факторы экономического роста на панельных данных за период 1991-1998 гг, включив в ана-

$$Gr_{i,t} = \alpha_0 + \alpha_1 INFL_{i,t} + \beta_1 RI_{i,t} + \beta_2 RI_{i,t-1} + \beta_3 RI_{i,t-2} + \gamma_1 IC1_i + \gamma_2 IC2_i$$

где *INFL* – уровень инфляции в соответствующий период,

RI – индекс структурных преобразований,

IC1 и *IC2* – два «кластера» начальных условий, отвечающих, соответственно, за макроэкономические диспропорции и уровень социалистического развития и связанные с этим диспропорции. Таким образом, контролировались три фактора развития переходных экономик:

- качество макроэкономической стабили-

лиз ряд институциональных переменных. Всего было использовано 9 переменных институционального развития из пяти различных источников:

Индекс экономической свободы (*Index of Economic Freedom*), публикуемый Heritage Foundation. Вообще говоря, этот индекс состоит из 10 компонент, но авторы использовали в своей модели только совокупный

- индекс экономической свободы (HERgen) и одну из его составляющих, индекс коррупции (HERleg);

- Индексы «*Nations in Transit*», публикуемые Freedom House, включая уровень развития демократии (FRdem); уровень экономической свободы (FRec); среднее значение индексов качества применения законодательства и государственного управления (rule of law; governance и public administration (FRleg)); индекс гражданских свобод (FRpol);

- Индекс правовой системы ЕБРР, показывающий эффективность правовой системы страны (EBRDleg);

- Среднее значение индексов институциональной среды, публикуемых Всемирным банком (включает (i) предсказуемость законодательства и правительственной политики; (ii) защиту прав собственности; (iii) качество взаимодействия между правительством и бизнесом; (iv) административные ограничения на ведение бизнеса (bureaucratic red-tape); (v) эффективность государства в предоставлении услуг);

- Компонента политических рисков в Индексе страновых рисков, публикуемом «Euro money».

Базовое уравнение регрессии, которое использовали авторы в своей работе

зации;

- глубина структурных преобразований и либерализации;

- начальные условия.

В это уравнение поочередно добавлялись различные индексы институционального развития, и тестировалось влияние этих индексов на экономический рост.

Главным результатом исследования является тот факт, что институциональная среда действительно оказывает устойчивое и положительное влияние на экономический

рост(более подробное описание этих результатов представлено в табл. 3).

Ahrens, Meurers [27], провели сходный анализ на данных по 25 странам с переходной экономикой за период 1993-1998 гг. В качестве показателей институционального развития были использованы различные индексы, публикуемые Всемирным банком в World Development Report, а также индекс коррупции *Transparency International*.

В работе Beck, Laeven [28] непосредственным предметом исследования также являлась связь между экономическим ростом и уровнем институционального развития в странах с переходной экономикой в течение первых десяти лет переходного периода (1992-2002 гг. для 24 стран Восточной Европы и бывшего СССР). Контролируя регрессию на влияние фактора природных ресурсов, уровня экономического развития в дореформенный период и на продолжительность развития стран в условиях социализма, авторы показали значимость фактора институтов для объяснения межстрановых различий в экономическом росте.

Одновременно с этим авторы определили, что динамика институционального развития в переходных экономиках определяется, главным образом, их наделённостью природными ресурсами и особенностями их исторического опыта, и построили соответствующие инструментальные регрессии для выбранных институциональных переменных. Таким образом, в их базовой модели была решена проблема эндогенности.

Оценки проводились для нескольких вариантов зависимой переменной и различных индикаторов качества институциональной среды.

В качестве характеристики темпов экономического развития использовались либо рост ВВП в 1992-2002 гг., либо рост потребления за тот же период, либо рост потребления электричества на душу населения. Проанализированные показатели институциональной среды включали индексы ЕБРР за 1996 г. (институционального развития, правопорядка, коррупции и интенсивности реформ).

Наряду с формальными институтами (такими как качество правопорядка и защита прав собственности) на экономическую ситуацию оказывают влияние и неформальные институты, которые относятся к *общественному (социальному) капиталу*. Социальный капитал определяется как культурное явление, показы-

вающее степень вовлеченности граждан страны в политические и экономические процессы, наличие доверия между гражданами и доверия граждан своим государственным институтам.

В своей работе Raiser, Haerpfer, Nowotny, Wallace [29] оценивали влияние общественного капитала на рост с помощью простейшего регрессионного уравнения:

$$Growth = a + b * Civic\ engagement + c * Trustin\ Institutions + d * Reforms + e,$$

где в качестве показателя Civic engagement использовалась доля населения, которая принимает активное участие в работе общественных организаций, а в качестве Trustin Institutions – средний индекс доверия населения государственным институтам.

Таким образом, первые две переменные являлись прокси для качества общественного капитала в отдельных странах (были использованы данные по 19 странам за 1998 г.). Для показателя Reforms использовалось среднее значение индекса реформ EBRD за 1989-1998 гг.

Оценки производились в различных спецификациях, однако во всех случаях анализ показал, что на экономический рост в переходных экономиках оказывает положительное влияние только степень вовлеченности граждан страны в политические и экономические процессы (Civic engagement), в то время как доверие государственным институтам оказывается статистически несвязанным с ростом (табл. 3).

Важно отметить, что никакой отдельно взятый институт не может полностью определить характеристики экономического роста, поскольку, с одной стороны, он взаимосвязан и зависит от множества других институтов, а, с другой стороны, со временем происходит его изменение, которое отражается на показателях роста. Экономический рост идентифицируется по изменению определенных параметров, следовательно, чтобы говорить о том, что какой-то институт определяет рост, нужно установить влияние изменения данного института на изменение указанных параметров.

С точки зрения *государства* экономическое благополучие, измеряемое в формальных текущих показателях и рейтингах, по всей видимости, свидетельствовало о правильности избранного политического курса (в широком смысле — включая вопросы защиты прав собственности, судебной системы и т. д.).

Таблица 3.

Результаты оценки влияния институциональных факторов на экономический рост в переходных экономиках

Объясняющая институциональная переменная	Результаты проверки гипотезы в работах	Источник используемых данных об уровнях развития национальных институтов
1	2	3
Совокупный индекс экономической свободы HERgen	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +**</i>	Публикуется Heritage Foundation
Индекс коррупции HERleg	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +**</i>	Публикуется Heritage Foundation в рамках системы индексов экономической свободы
Уровень развития демократии FRdem	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +*</i>	Публикуется Freedom House Индекс« <i>Nations in Transit</i> »
Уровень экономической свободы FRec	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +*</i>	Публикуется Freedom House Индекс« <i>Nations in Transit</i> »
Индекс гражданских свобод FRpol	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +*</i>	Публикуется Freedom House Индекс« <i>Nations in Transit</i> »
Эффективность правовой системы EBRDleg	<i>Havrylyshyn, van Rooden(2000) +*</i> <i>Moers (1999) +* Beck, Laeven (2005) +**</i>	Публикуется EBRD Индекс« <i>Rule of law</i> »
Индексы институциональной среды WB	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +*</i> <i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997) +**</i> <i>Ahrens, Meurer (2000) +**</i>	Индексы, публикуемые World Bank в World Development Report, а именно: (i) government predictability regarding laws and policies; (ii) property rights; (iii) the quality of government-business relationship; (iv) bureaucratic red-tape; (v) efficiency of government in providing services
Политический риск	<i>Havrylyshyn, van Rooden (2000) +*</i> <i>Moers (1999) +*</i>	Политическая компонента риска в системе рейтинга страновых рисков, публикуемых «Euro money»

1	2	3
Эффективность инвестиционных законов	<i>Moers (1999) +*</i>	Публикуется EBRD Индекс « <i>Investment law</i> »
Индекс коррупции EBRDgen	<i>Beck, Laeven(2005) +**</i>	Публикуется EBRD Индекс « <i>Corruption</i> »
Общий уровень институционального развития	<i>Beck, Laeven (2005) +**</i>	Публикуется EBRD Индекс « <i>Institutional development</i> »
Предсказуемость принимаемых законов	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997) +**</i>	Публикуется World Bank Индекс « <i>Predictability of rules</i> »
Неопределённость относительно смены курса исполнительной властью	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997) +**</i>	Публикуется World Bank Индекс « <i>Political .stability</i> »
Надежность судебной системы	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997) +**</i>	Публикуется World Bank Индекс « <i>Judiciary reliability</i> »
Распространенность коррупции	<i>Brunetti, Kisunko, Weder (1997) +**</i>	Публикуется World Bank Индекс « <i>Lack of corruption</i> »
Распространенность коррупции	<i>Ahrens, Meurer (2000) +**</i>	Индекс « <i>Transparency International</i> »
Общественный капитал (1)	<i>Raiser, Haerpfer, Nowotny, Wallace (2001) +**</i>	Доля респондентов, которые принимают активное участие в работе общественных организаций (World Values Survey)
Общественный капитал (2)	<i>Raiser, Haerpfer, Nowotny, Wallace (2001) #</i>	Индекс доверия государственным институтам (World Values Survey)

Примечание: + – знак в регрессиях положительный; * – статистическая значимость на 5%-м уровне; ** – статистическая значимость на 1%-м уровне; # – статистическая незначимость.

В этой связи, в настоящее время темп роста национального продукта с оценкой уровня безработицы выступают, как правило, критерием эффективности государственной политики и мерой социальных достижений, хотя в качестве таких критериев должны выступать так называемые неэкономические цели, составляющие собственно социальную жизнь граждан любой страны[1].

Выводы. 1. На этапе осуществления управляемых институциональных изменений, преобразований экономики, когда в хозяйственный процесс вводится определенное количество новых правил, регулирующих поведение агентов, организующих их выбор в отношении ресурсов, продуктов, технологий, становится актуальной проблема «измерения» институтов, точнее, оценки их эффективности.

2. Отнесение к фундаментальным факторам роста таких показателей, как «качества национальных институтов», «уровень внешне-экономической интеграции» и «географические характеристики страны» хорошо резюмирует современное понимание ключевых детерминантов роста. Такая классификация факторов отражает подход к анализу экономической динамики, который в том или ином виде использовался в ряде принципиально важных исследований по данной проблематике.

3. На сегодняшний день существует целый ряд регулярно обновляемых международных индексов и рейтингов, отражающих те или иные национальные институциональные аспекты, включая уровень инвестиционных и предпринимательских рисков, степень экономических и политических свобод, уровень коррупции и т.д. Характеристики, отражающие межстрановые различия в качестве институтов, известны как *индикаторы качества государственного управления (World Bank World wide Governance Indicators)*. *World wide Governance Indicators* охватывают 6 основных аспектов государственного управления в 212 странах мира, отражаемых шестью агрегированными индикаторами.

4. В настоящее время имеется не очень большое, но быстро увеличивающееся число эмпирических исследований по влиянию институтов на экономический рост в странах с переходной экономикой. Практически во всех из них исследователям удается обнаружить положительную и статистически значимую взаимосвязь между качеством национальных институтов и темпами экономического роста.

5. Критичность качества институцио-

нальной среды для экономического развития (в первую очередь, таких её составляющих, как эффективность защиты прав собственности и контрактных прав, системы инфорсmenta, качества и независимости судебной системы, качества бюрократического аппарата и глубины финансовых рынков) стала общепризнанным фактом.

Литература

1. Сухарев О.С. Проблема институциональной эффективности и качества хозяйственного развития / О.С.Сухарев // Неформальные институты в современной экономике России: Материалы Третьих Друкеровских чтений 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econ.asu.ru/lib/sborn/iimer2007/sod.html> 20.03.2011 г. Загол з экрана
2. Rodrik, Dani (2003) In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth. Princeton University Press.
3. Shleifer, Andrei, Edward Glaeser, Rafael La Porta, Florencio Lopez-de-Silanes (2004) Do Institutions Cause Growth? Journal of Economic Growth, 9:271-303.
4. Gallup, John, Jeffrey Sachs, Andrew Mellinger (1999) Geography and Economic Development, International Regional Science Review, Vol. 22: 179-232.
5. Braudel, Fernand (1972) The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. New York: Harper & Row.
6. Diamond, Jared. (1997) Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. New York: WW Norton.
7. Easterly, William, Ross Levine (2003) Tropics, Germs, and Crops: the role of endowments in economic development. Journal of Monetary Economics, 50:1.
8. Rodrik, Dani, Arvind Subramanian, Francesco Trebbi (2002) Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development, NBER Working Paper No. 9305
9. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Pablo Zoido-Lobaton (1999) Aggregating Governance Indicators. World Bank Research Working
10. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay, Pablo Zoido-Lobaton (1999b) Governance Matters. World Bank Research Working Paper 2196.
11. Daniel Kaufmann, Aart Kraay and Massimo Mastruzzi (2009). "Governance Matters VIII: Governance Indicators for 1996-2008". World Bank Policy Research June 2009

12. Daniel Kaufmann, Aart Kraay and Massimo Mastruzzi (2008). "Governance Matters VII: Governance Indicators for 1996-2007". World Bank Policy Research June 2008
13. Daniel Kaufmann, Aart Kraay and Pablo Zoido-Lobaton (1999a). "Aggregating Governance Indicators". World Bank Policy Research Department Working Paper No. 2195.
14. Фрейнкман Л. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л. М. Фрейнкман, В. В. Дашкеев, М. Р. Муфтахетдинова. – М.: ИЭПП, 2009. – 252 с.: ил. — (Научные труды / Ин-т экономики переход. периода; № 126)
15. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.
16. Полтерович В.М. Стимулирование роста и стадии развития / В.М. Полтерович, В.В. Попов // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Модернизация экономики и выращивание институтов. Кн. 1. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. 2006, С. 137- 149
17. Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г.Хорос, В.А.Красильщиков; Ин-т миров. экономики и междунар. отношений РАН. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 64-84
18. Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Пер с англ. Б. Пинскер. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. – 272 с.
19. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований: научное издание / под ред. д-ра экон. наук А.А.Гриценко. – Х.: Форт, 2008. – 928 с.
20. Дементьев В.В. Институты: проблема определения понятия / В.В.Дементьев // Проблемы современной экономики и институциональная теория: научное издание / под ред. В.В.Дементьева, Р.М.Нуреева. – Донецк: ДОННТУ, 2009. – С. 5-34.
21. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. – СПб.: Издат. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. – 702 с.
22. Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория / Пер. с англ. Г.И. Жуковой, Ф.Я. Кельмана. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576с.: ил. – (Высшее образование)
23. Носова О. В. Институційні суперечності перехідної економіки / О.В. Носова // Екон. теорія. – 2004. – N 3. – С. 52-59.
24. Brunetti, Aymo, Gregory Kisunko, Beatrice Weder (1997) Institutions in Transition. Reliability of Rules and Economic Performance in Former Socialist Countries. World Bank Policy Research Working Paper 1809.
25. Havrylyshyn, Oleh, Ron van Rooden (2000) "Institutions Matter in Transition, but so do Policies" IMF Working Paper 00/70.
26. Daniel Kaufmann, Aart Kraay and Massimo Mastruzzi (2003). "Governance Matters III: Governance Indicators for 1996-2002". WBEP, Volume 12, N.12
27. Ahrens, Joachim, Martin Meurers (2000) Institutions, Governance, and Economic Performance in Post-Socialist Countries: A Conceptual and Empirical Approach. 4th International Conference. Institutions in Transition, 23-24 lipanj, Portoro, Slovenija.
28. Beck, Thorsten, Luc Laeven (2005) Institution Building and Growth in Transition Economies. CEPR Discussion Papers 5718.
29. Raiser, Martin, Christian Haerpfer, Thomas Nowotny, Claire Wallace (2001). Social Capital in Transition: A First Look at the Evidence, EBRD Working Paper 61.

Статья поступила в редакцию 30.01.2013